

36
33

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОСТОК

ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ
И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

№ 8

ИМ-1094

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПО
ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

МОСКВА — 1930

Галузо. Туркестан - колония.

Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г. Изд. КУТВ. 1929. Стр. 162.

Ц. 1 р. 90 к. *).

Название книги звучит очень заманчиво. В самом деле, по истории колониальной политики царизма написано так мало, а как раз изучение истории колониальной политики царской России может объяснить ряд особенностей русского исторического процесса, разрешить ряд спорных проблем русской истории (например, вопрос о социальной сущности самодержавия в XIX и XX веке и т. д.). Кроме этого, изучение русской колониальной политики имеет огромное практическое значение для самих бывших колоний бывшей царской России, которые в настоящее время входят в состав Советского союза в качестве полноправных его членов и в которых под руководством русского пролетариата идет строительство социализма. Ответ на вопрос, каков был социально-экономический строй этих колоний до завоевания и какое наследие оставило в них хозяйничание русского полуфеодалного помещика и купца; что успел проделать промышленный капитал, который вынужден был приспособлять свои интересы к политике господствующего класса; и, наконец, как отразился на колониях переход России к последней фазе капитализма—империализму—таковы те основные вопросы, на которые должна дать ответ подобной рода работа. Автор рецензируемой нами книжки, как мы увидим ниже,

*) Помещая в порядке самокритики настоящую рецензию на одно из своих изданий, редакция дает также возможность автору в следующей за этим заметке ответить рецензенту по существу затронутых вопросов. *Ред.*

не совсем удачно справилась с этими задачами. В заглавии сказано, что это очерк истории Туркестана, но в работе почти ничего нет о самом Туркестане, о Туркестане как субъекте, а не как объекте русской колониальной эксплуатации. Нет и главы, посвященной социально-экономическому строю Туркестана до завоевания его русскими, поэтому очень трудно судить о том, какие изменения внесло там русское владычество. О прошлом Туркестана приходится судить лишь по отдельным замечаниям автора, разбросанным по всей книге. Такой подход и методологически явно неправилен. Если подобный подход характерен для буржуазного востоковедения, то нам, марксистам, уже пора перейти к изучению и самих колоний, как субъектов, ибо лишь при подобном изучении и возможно определить перспективы их будущего развития. Кстати, нашим работникам в Туркестане придется не только и не столько сталкиваться там с наследием царизма, сколько с тысячелетними наслоениями его собственной истории. Переходя к разбору отдельных положений автора, нужно прежде всего отметить ряд методологических ошибок при анализе докапиталистических отношений в Туркестане. На стр. 20—21, разбирая причины гибели капиталистической фермы, автор выдвигает следующее объяснение: „Хозяйство самостоятельного хозяина-дехканина оказалось более живучим, чем капиталистическая ферма“. Может быть, это неудачная формулировка, случайная ошибка, скажет читатель, но несколькими строками ниже мы снова читаем: „Итак, ферма погибла в конкуренции с мелким крестьянским самостоятельным хозяйством, которое в то время давало неизмеримо большую производительность труда“.

О каком „самостоятельном“ крестьянском хозяйстве идет речь? На основании материала, данного в самой книге, ясно, что характерным для Средней Азии типом крестьянина был чайрикер-издольщик, т.е. дехканин, подвергающийся полукрепостнической эксплуатации; „самостоятельность“ этого дехканина следующим образом рисует т. Зелькина в своей книге „Очерки по аграрному вопросу Средней Азии“: — „чайрикерство — основная форма эксплуатации беднейшего крестьянства в хлопковых районах Средн. Азии. Чайрикер — это издольщик, работающий на земле хозяина из доли урожая, заключающий ежегодно договор, в котором устанавливается доля урожая“... Мы не станем подробно исчислять все обязанности чайрикера. Для нас важно установить, что фермерское хозяйство потерпело крах не в конкуренции с самостоятельным мелким крестьянским хозяйством, а с хозяйством издольщика и понятно почему. При господстве докапиталистических отношений в сельском хозяйстве вложение капитала в капиталистическую ферму оказывается менее выгодным, нежели сдача земли издольщику, при которой крестьянин вынужден отдавать не только прибавочный продукт, но и значительную часть необходимого продукта. Если же стать на точку зрения автора, то совершенно скрывается преобладание полукрепостнических отношений в Туркестане и, таким образом, закабаленность мелкого дехканина землевладельцем скрывается под покровом „самостоятельности“. Не менее грубую ошибку делает тов. Галузо, объясняя причину роста чайрикерства после внедрения русских в Туркестан: „Был один элемент для развития капитализма — обезземеление, но нехватало другого — нехватало со-

ответствующего повышения технической базы. На низкой технической базе поэтому из экспроприации дехканского хозяйства продолжало вырастать крепостничество — чайрикерство“. Не низкая техническая база дехканского хозяйства явилась в конце XIX в. главной помехой роста капитализма в Туркестане и вела к расцвету полукрепостнической издольщины, а как раз наоборот — существование этих отношений тормозило развитие техники. Поясним нашу мысль. Когда русские внедрились в Туркестан, они там застали господство крупного феодального землевладения. Частично разрушив крупное феодальное землевладение, разлагая патриархальное хозяйство дехканина, хозяйничание русского торгового капитала вело не к уничтожению крепостничества, а лишь к его консервации, к частичному приспособлению крепостнических форм к новым капиталистическим отношениям. Обезземеление производилось таким способом, чтобы прикрепить дехканина в той или иной форме к земле. Издольщина-чайрикерство и стало той формой, в которой крепостничество приспособлялось к капитализму. Русские колонизаторы, одной рукой разрушая феодальные отношения, другой рукой консервировали их. Консервация докапиталистических методов эксплуатации вызвала и сохранение низкой технической базы. В отношении России это превосходно выяснено Лениным. Возражая против подобного „технического“ подхода кадета Кауфмана, Ленин писал, что подобный подход затушевывает сущность тех социальных отношений, которые должны быть уничтожены, чтобы возможным стало повышение технической базы. Тов. Галузо, беря в основу этот „технический“ подход, затушевывает корень зла — господ-

ство докапиталистических форм эксплуатации, которые русские колонизаторы не только не уничтожили, но, наоборот, значительно усилили. Перефразируя слова Ленина, можно было бы сказать, что туркестанский дехканин нуждался не столько в повышении технической базы своего хозяйства, сколько в освобождении от гнета полукрепостнической кабалы и колониальной эксплуатации, которые задерживали повышение технической базы этого хозяйства. Неправильное объяснение дает автор и по вопросу о вывозе капиталов в Туркестан. Так, на стр. 66, указывая, что, несмотря на приглашение правительства, капиталы не шли потому что этого „не хотели обладатели капиталов“, он тут же дает следующее объяснение этому факту: „почему не хотели, кроется в общеизвестном сейчас факте—недостаток капиталов в России“. Нужно сказать, что подобное объяснение очень распространено в буржуазной литературе, но оно ровно ничего не объясняет. Ответ на него дается фактами, приведенными тов. Галузо в другом месте книги, которые он, однако, не сумел использовать в данном случае. Сообщая о крахе капиталистических ферм, он одновременно указывает, что капиталы отлили в торгово-ростовщические операции, и далее, что русские банки в Туркестане занимались, главным образом, финансированием этих операций. Таким образом, дело, оказывается, вовсе не в отсутствии капиталов в России, а в том, что эти капиталы не шли в промышленные предприятия, а направлялись в торгово-ростовщические операции. Причины этого явления те же, что и в отношении победы чайрикерства над капиталистической фермой. При господствующих докапиталистических отношениях вложе-

ние капитала в торгово-ростовщические операции давало значительно большую прибыль, нежели вложение в промышленные предприятия. Вот почему и капиталы отливали в торгово-ростовщические операции. Как видим, ряд ошибок автора имеет одну и ту же базу. Неверный подход к изучению докапиталистических отношений в Туркестане — таковы основные ошибки тов. Галузо. Эти методологические промахи автора отразились и при рассмотрении „аппарата власти“ в Туркестане. Совершенно верно, что аппарат власти был военный, что он занимался взяточничеством, но занимать целую главу описанием этих взяток и этим исчерпать характеристику русского чиновничьего аппарата—значит не понять его роли в системе торгово-ростовщической эксплуатации дехкана. Русский чиновник занимался не только прямым грабежом населения, но одновременно являлся представителем торгово-капиталистического накопления, т.-е. пускал награбленные деньги в оборот, в ростовщические и скупочные операции, но по этому поводу Галузо не привел ни одного документа. Зато взяточничество расписано чрезвычайно подробно даже в двух главах книги.

Последние наши замечания—относительно построения книги. Мы уже указывали, что о самом Туркестане, о его социально-экономическом строе читатель найдет весьма мало. Кроме этого, экономико-географический разрез книги — вместо социально-экономического—значительно уменьшает ее ценность. Далее, вместо того, чтобы проследить этапы колониальной политики царизма в связи с развитием в России промышленного капитализма, а позднее, в связи с переходом к высшей и последней фазе капитализма — империализму, автор

изучает Туркестан, как колонию в хронологических рамках XIX и XX века. Отсюда ряд повторений и недостаточно четкое выявление изменений в колониальной политике царизма.

При переиздании книжки нужно ее переработать и исправить имеющиеся в ней серьезные методологические ошибки, и тогда она действительно станет тем необходимым пособием по колониальной политике царизма, в котором так нуждаются и востоковедческие вузы и комвузы вообще.

М. Кабалкина.

Несколько справок вместо ответа тов. Кабалкиной.

Разумеется, я никогда не считал и не считаю свою работу „истиной в последней инстанции“, книжкой, которая лишена недостатков. Наоборот, в предисловии я специально оговариваюсь, что „вопрос, поставленный в заголовке, работой, конечно, не исчерпан“, что на свой очерк я смотрю как „на предварительную разведку“ и что я допускаю возможность ошибок, которые в будущем должны быть исправлены. Тов. Кабалкина, конечно, правильно делает, что подвергает мою „разведку“ широкой критике. Но я все же должен отметить, что целый ряд ее замечаний является простым недоразумением, основанным на незнании фактов и это заставляет меня дать нижеследующие справки и пояснения.

Я совершенно согласен с тов. Кабалкиной, когда она указывает, как на один из недостатков, на то, что в работе нет „главы, посвященной социально-экономическому строю Туркестана до завоевания его русскими“. Считаю, что в следующем издании этот недостаток действительно нужно по

возможности исправить. Но я совершенно не согласен исправлять его так, как рекомендует тов. Кабалкина.

Она исходит из положения, что русские в Туркестане „застали господство крупного феодального землевладения“ и что „характерным для Ср. Азии типом крестьянина был чайрик-издольщик“.

Ни то, ни другое, поскольку об этом дают возможность судить имеющиеся в нашем распоряжении факты, не верно.

Тов. П. Ходоров, специально изучавший вопрос об эволюции землевладения в Туркестане, свидетельствует, что „после кризиса XVII—XVIII вв., войн и междоусобий этой полосы, крупнее и среднее землевладение только наново стало складываться¹⁾ в прочную собственность—с конца XVIII—начала XIX века“. В силу этого оно к приходу русских оказалось недоразвитым: „Средняя Азия в смысле размеров крупного землевладения не может идти в сравнение с Россией“. Русские, придя в Туркестан, кроме того, как это отмечено и у меня, нанесли ему непоправимый удар.

Нельзя категорически заявлять и о господстве крепостничества (чайрикерства). „Но наряду с крупным и средним землевладением имело место и землевладение крестьянское—свободное и зависимое“. ²⁾ Ликвидация же мельковых (помещичьих) и части вакуфных (церковн.) земель в 70-ых гг. XIX в. (добавим от себя) сильно увеличило количество свободных землевладельцев.

¹⁾ В монголо-турецкий период оно было уничтожено.

²⁾ „Историк-марксист“ № 10, стр. 144 и 153.

Ни у Ходорова, ни у кого бы то ни было другого нет точных статистических данных ни о крупном землевладении, ни о степени распространения чайрикерства. Совершенно неизвестно, на чем базируется свои категорические утверждения тов. Кабалкина. В силу этого непонятно, почему нужно отвергнуть мой тезис, что ферма начала 90-ых гг. вступила в конкуренцию с хозяйством „самостоятельного хозяина дехканина“ если наблюдение „на глаз“ убеждает, что действительно в конце XIX века в сельском хозяйстве Туркестана как раз преобладало не чайрикерство, а „самостоятельное“ крестьянское хозяйство¹⁾.

Если бы ферма сменилась крепостнической латифундией, тогда бы были понятны все рассуждения тов. Кабалкиной насчет борьбы крепостничества и капитализма. Но ведь все фермы русских купцов и чиновников были прикрыты для того, чтобы вложенные в них капиталы перебросить в ростовщичество. Выгоднее оказалось не чайрикерство по сравнению с вольным наймом, а торгово-ростовщическая эксплуатация „самостоятельного“ крестьянина, действительно отдававшего ростовщику „не только прибавочный продукт, но и значительную часть необходимого продукта“, по сравнению с эксплуатацией

батрака на ферме. Потом, в XX в., когда чайрикерство значительно разрослось, а наряду с этим довольно широко развился и вольный наем, вопрос о конкуренции двух систем хозяйства, капиталистического и крепостнического, стал действительно кардинальным вопросом и в соответствующем месте моей работы он отмечен. Но для данного момента, для начала 90 гг., дело обстояло далеко не так. К выводам т. Кабалкиной могут привести только преувеличенные представления о распространении в это время чайрикерства.

В связи с этим т. Кабалкина упрекает меня также в „техническом“ подходе к объяснению причин роста чайрикерства и в противовес моей постановки вопроса рекомендует объяснить вопрос следующим образом: „Русские колонизаторы, одной рукой разрушая феодальные отношения, другой рукой консервировали их. Консервация докапиталистических методов эксплуатации вызвала и сохранение низкой технической базы“. „Не низкая техническая база“ была причиной роста чайрикерства, „а как раз наоборот—существование этих отношений тормозило развитие техники“.

Но чем отличается эта постановка вопроса от моей? Я полагаю, что далеко не тем, на что указывает тов. Кабалкина. На стр. 119, после соответствующей таблицы, у меня имеются следующие утверждения: „Мы имеем, таким образом, колоссальное преимущество труда чайрикера над поденным наймом. Прибыль хозяина при чайрикерской обработке в данном случае больше чем вдвое превышает прибыль при поденном найме. Такое преимущество крепостничества перед вольным наймом было возможно только при том низком уровне производительных сил, на котором стояло сельское хозяйство Туркестана. В задерж-

1) Не верно, что якобы материал, данный в моей книжке, заставляет думать противоположное. Приглашаю читателя взглянуть хотя бы на таблицы на стр.: 121, 123, 124, 128, 129. Все таблицы относятся к XX веку, когда чайрикерство было развито гораздо шире, чем в 90 гг. А между тем, на их основании никак нельзя сказать, что „характерным для Средней Азии типом крестьянина был чайрикер-издольщик“.

ке же развития производительных сил была повинна, как уже разобрано выше, колониальная эксплуатация края и примыкавшая к ней эксплуатация трудового населения местным байством и маанпством. Развитие чайрикерства тоже, поэтому, можно и должно отнести за счет русского господства". В другом же месте у меня отмечено, что и чайрикерство „в свою очередь закрепляло ту же допотопную технику, на базе которой оно вырастало". (Стр. 22).

Из этого видно, что я далеко не склонен полагать, что „источник всех бед"—низкая техника. Наоборот, на первом месте у меня стоит задержка развития производительных сил, консервация, вследствие колониальной эксплуатации, низкой техники, что методологически безусловно верно. Разница между мной и тов. Кабалкиной только та, что я эту задержку объясняю всей системой колониальной эксплуатации, а она только чайрикерством. Раз сказав, что чайрикерство—это для Средней Азии все, она уже больше ничего не видит. А видеть все же это необходимо.

Согласен, что мои формулировки этого вопроса нужно уточнить, но совершенно не согласен, что вопрос нужно сузить так, как его суживает т. Кабалкина.

Следующей темой для возражения явился вопрос о вывозе капиталов. Мне ставится в упрек, что я объясняю недостаточно широкий прилив капиталов в Среднюю Азию „недостатком капиталов в России". При этом тов. Кабалкина полагает, что „подобное объяснение очень распространено в буржуазной литературе, но оно ровно ничего не объясняет", и что, во-вторых, оно опровергается фактами, данными в моей же работе об отливе капиталов в ростовщичество и т. д.

В ответ на это я процитирую такого „буржуя", как тов. Гольман. Вот что у него написано о вывозе капиталов из России: „Однако, незначительные размеры вывезенных на Кавказ и в Сибирь русских капиталов еще раз свидетельствует о том, что русский финансовый капитал достаточно избытком капиталов не обладал" 1).

Именно указание, что вывоз капиталов в Среднюю Азию все же был, с моей точки зрения „ровно ничего не объясняет", иначе говоря, не объясняет того, что хочет объяснить тов. Кабалкина. Этот вывоз был, но не был широко развит в силу недостатка капиталов. Я считаю, что Гольман совершенно прав, когда заявляет, что „экспорт капиталов не был характерным для русского „дочерного" империализма", хотя на счет „дочерности" русского империализма он безусловно пересаливает.

Далее следует несколько меньший по масштабу вопрос, это вопрос об аппарате власти. Тов. Кабалкина разочарована тем, что я цитирую очень много документов о взяточничестве и „не привел ни одного документа" по вопросу о том, как чиновники „пустили награбленные деньги в оборот, в ростовщические и скупочные операции". По сути дела я могу на это ответить тем же. Я тоже чрезвычайно разочарован тем, что несмотря на тщательные поиски как в печатной литературе, так и в архиве, я таких документов не нашел. Мне остается только ждать от тов. Кабалкиной, что она эти документы мне укажет.

У меня есть сильное подозрение и некоторые косвенные данные, что та-

1) М. Гольман. „Русский империализм". Изд. 1926 г., стр. 344. Разрядка моя—П. Г.

кого рода операции, о которых (видимо, предположительно) говорит тов. Кабалкина, действительно имели место, но нельзя же в угоду рецензенту фантазировать, если в руках нет фактов.

Последний вопрос—архитектоника. Здесь четыре упрека: а) механически разделена работа на XIX и XX в., б) мало говорить о самом Туркестане и больше о колониальной политике царизма, в) вместо социально-экономического дан эконом-географический разрез книги; г) мало оттенена разница колониальной политики в связи со сменой отдельных эпох истории российского капитализма.

Из всех этих упреков единственный, который с некоторой оговоркой я могу принять—это последний. Действительно, и об этом я уже заявил в печати, вопрос об изменении колониальной политики в связи с превращением российского промышленного капитализма в империализм мною разработан недостаточно. Здесь нужно лучше оттенить роль банков, тщательнее проанализировать вопрос о вывозе капитала и т. д.

Но с другой стороны, здесь же я должен заявить, что я не склонен перегибать в этом отношении палку, как это делают некоторые т.т. (Лаврентьев, Цвибак и т. д.), совершенно сбрасывающие со счетов крепостническое самодержавие с характерными для него чертами колониальной политики „военно-феодалного империализма“ (Ленин).

Что же касается остальных упреков, то они в значительной мере представляют собой недоразумение. Деление на XIX и XX век не механическое: оно соответствует перелому по линии двух основных вопросов колониальной политики—переселенческий вопрос и вопрос о хлопке. В первом случае политика задержки переселе-

ния сменилась политикой содействия, во втором—„цветущий“ период хлопководства сменяется появлением явных признаков скрытого кризиса. В связи с этим остро ставится вопрос об орошении новых площадей, о смягчении ростовщической эксплуатации и т. д., а вокруг этого разворачивается соответствующая борьба. На второй упрек даже не хочется отвечать, ибо достаточно посмотреть хотя бы оглавление, чтобы видеть, что подавляющая часть книжки посвящена именно Туркестану, а не России, и что все вопросы рассматриваются именно с точки зрения истории Туркестана. Третий же упрек вытекает видимо из того, что я нигде не дал цифровых данных, которые бы изображали не статику, а динамику социальных явлений. Но такой упрек может бросать только тот, кто абсолютно не знает источников. Нет источников, которые бы дали возможность в цифровых величинах показать эту динамику, отсюда вытекает и этот недостаток. Разграничить же районы с их типичными чертами абсолютно необходимо, хотя бы это и походило на географию.

Итак, большая часть упреков тов. Кабалкиной вытекает из того, что ей недостаточно известна фактическая сторона вопроса и источники. Когда она говорит что „рецензируемая работа“ „не совсем удачно справилась“ со своими задачами, то это можно отнести за тот счет, что тов. Кабалкина, не зная источников, ставит работе невыполнимые задачи, а подчас даже требует от книжки иллюстрации явно фантастических положений (вроде господства крупного землевладения и крепостничества или ростовщичества чиновников). Что мне приходится, как автору работы, принять к сведению и, как говорится, к исполнению, так это два указания—дополнить из-

ложение вводной главой о Туркестане до завоевания и тщательнее разработать вопрос о роли русского империализма в XX веке.

Но вместе с этим я пользуюсь случаем, чтобы, так сказать, в порядке самокритики заметить, что на мой взгляд один из крупных недостатков работы тов. Кабалкина обошла. Это вопрос о политическом гнете и о политических привилегиях всех русских

в Туркестане. Этот вопрос мной затенен слабо, а между тем он имеет крупнейшее значение не только для понимания колониальной политики царизма, но и для понимания многих черт революции 17 года в Средней Азии. О других, более мелких недостатках, обойденных тов. Кабалкиной, я здесь уже не говорю, между тем они есть и подлежат исправлению.

П. Галузо.